

Анна Ахматова

Николай Гумилев

Осип Мандельштам

Сергей Городецкий

Георгий Иванов

Георгий Адамович

Владимир Нарбут

Михаил Зенкевич

Далёко, далёко, на озере Чад

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус)1-5

Д15

Серия «Лучшая поэзия. Серебряный век»

Составление и вступительные статьи

Виктории Горпинко

Оформление обложки *Юлии Межовой*

Д15 **Далёко, далёко, на озере Чад.** Стихотворения 1904–1924 / Анна Ахматова, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Сергей Городецкий и др.; сост. и вступ. ст. Виктории Горпинко. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 320 с. – (Лучшая поэзия. Серебряный век).

ISBN 978-5-17-114757-0

Анна Ахматова, Николай Гумилев, Осип Мандельштам... Этих литературных звезд, совершенно друг на друга не похожих, объединяет то, что на заре своего творчества они вместе с другими начинающими стихотворцами объединились в Цех поэтов и создали новое литературное направление – акмеизм. Мимолетностям, мистике и таинственным недосказанностям символистов они противопоставили реалистичный взгляд на вещи, пластическую четкость и ясность образа.

© Анна Ахматова, наследники, 2019

© Николай Гумилев, наследники, 2019

© В. Горпинко, сост. и вступ. ст., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

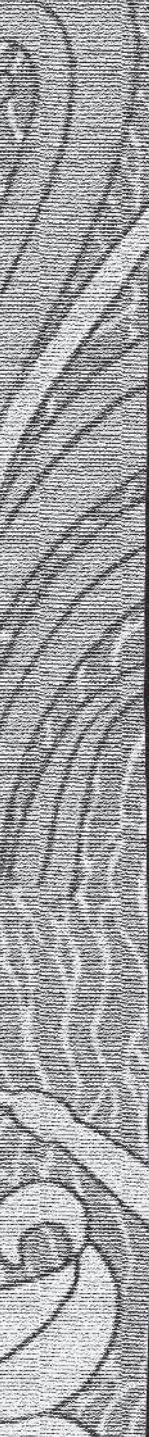

АКМЕИЗМ

«Символизм закончил свой круг развития и теперь падает, — констатировал в статье „Наследие символизма и акмеизм“ (1913) Николай Гумилев. — На смену символизму идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова акме — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора) или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме».

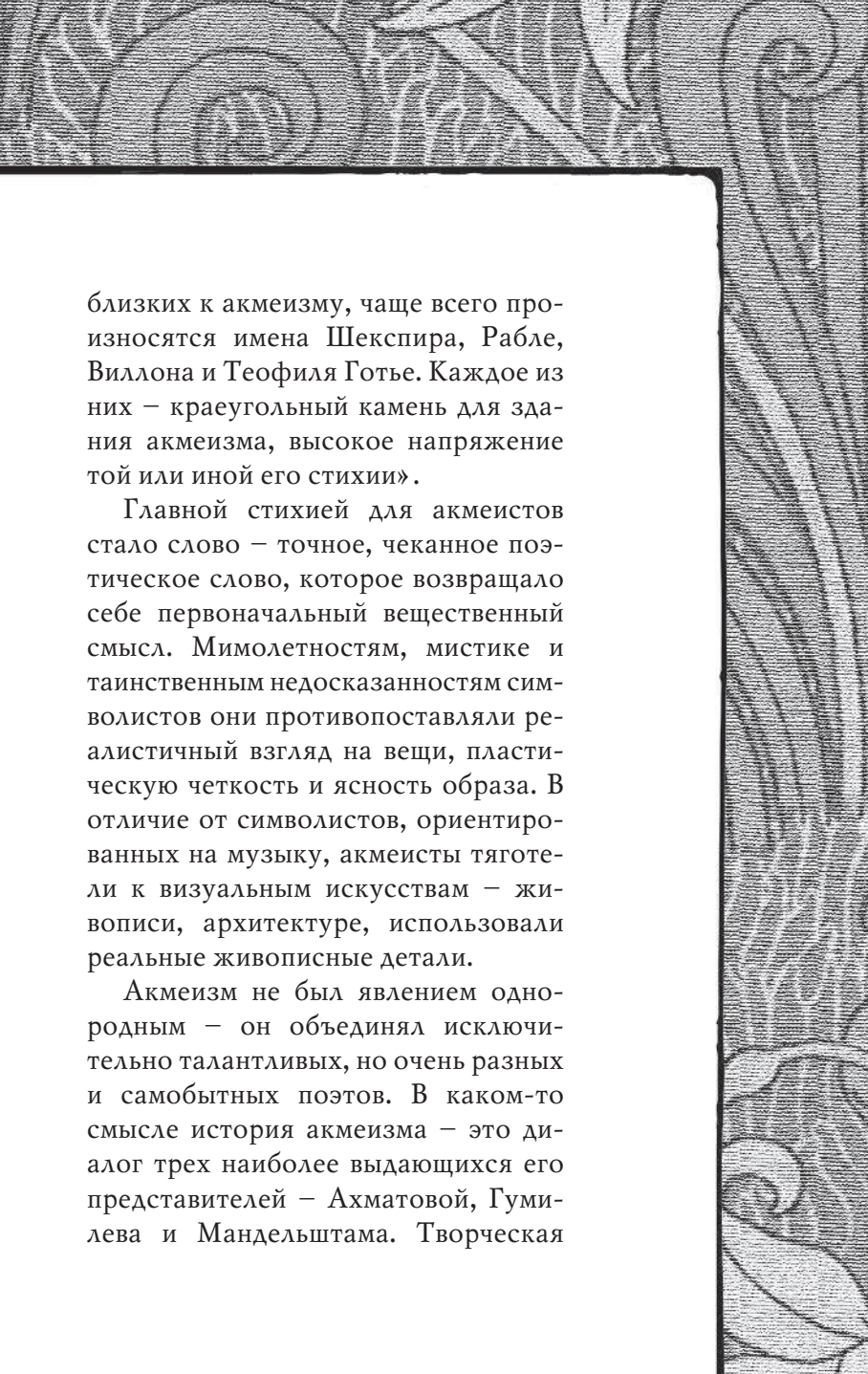
История акмеизма началась со скандала: осенью 1911 года, на одном из заседаний Академии стиха на «Башне» Вячеслава Иванова, разгромной критике было подвергнуто стихотворение Николая Гумилева «Блудный сын». Друзья молодого поэта гордо покинули Академию и в пикку ей организовали Цех поэтов. Осенью 1912 года шестеро основных участников Цеха отделились от символистов не только формально, но и идейно — и отныне именовали себя акмеистами.

Костяк нового течения составили Николай Гумилев, Анна Ахматова, Николай Городецкий, Осип Мандельштам, Михаил Зенкевич, Владимир Нарбут. В работе Цеха поэтов, который несколько раз распускался и собирался снова в обновленном составе, в разные годы принимали участие Георгий Адамович, Михаил Кузмин, Георгий Иванов, Михаил Лозинский, Владимир Гиппиус, Николай Клюев и др.

Идеи, близкие акмеизму, еще в 1910 году высказывал Михаил Кузмин, предвосхитивший в статье «О прекрасной ясности» поэтическую программу, которая легла в основу Цеха поэтов. Другим вдохновителем акмеистов стал Иннокентий Анненский, отдавший дань символизму лишь в раннем творчестве.

Хотя в европейской культуре аналогов акмеизма не существовало, основатели нового течения не мыслили себя в отрыве от западной литературы. Мандельштам называл акмеизм «тоской по мировой культуре», а Гумилев отмечал, что «в кругах,

близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Каждое из них – краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии».

Главной стихией для акмеистов стало слово – точное, чеканное поэтическое слово, которое возвращало себе первоначальный вещественный смысл. Мимолетностям, мистике и таинственным недосказанностям символистов они противопоставляли реалистичный взгляд на вещи, пластическую четкость и ясность образа. В отличие от символистов, ориентированных на музыку, акмеисты тяготели к визуальным искусствам – живописи, архитектуре, использовали реальные живописные детали.

Акмеизм не был явлением однородным – он объединял исключительно талантливых, но очень разных и самобытных поэтов. В каком-то смысле история акмеизма – это диалог трех наиболее выдающихся его представителей – Ахматовой, Гумилева и Мандельштама. Творческая

платформа остальных «цеховиков» могла существенно отличаться, например – в сторону натурализма у Городецкого.

Ведущим поэтическим направлением акмеизму стать не удалось, и уже через два года, в начале 1914-го, в лагере акмеистов произошел раскол. Они успели выпустить 10 номеров журнала «Гиперборей» и несколько альманахов. Попытки реанимировать Цех поэтов тоже приносили лишь кратковременный результат.

Третий Цех, последняя попытка Гумилева вернуться к акмеизму, объединил немало талантливых поэтов, среди них – Николай Оцуп, Ирина Одоевцева, Всеволод Рождественский, Николай Олейников, Константин Вагинов. Гибель Николая Гумилева в августе 1921 года поставила окончательную точку в цеховом движении акмеистов.

Виктория Горпинко

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Николай Степанович Гумилев (1886–1921) – русский поэт Серебряного века, переводчик, драматург, литературный критик, создатель школы акмеизма и один из ведущих ее представителей. Инициатор издания первого русскоязычного журнала в Париже «Сириус» (вышло 2 номера), журнала об искусстве и литературе «Аполлон» и литературного сборника поэтов-акмеистов «Гиперборей». Автор десяти поэтических сборников.

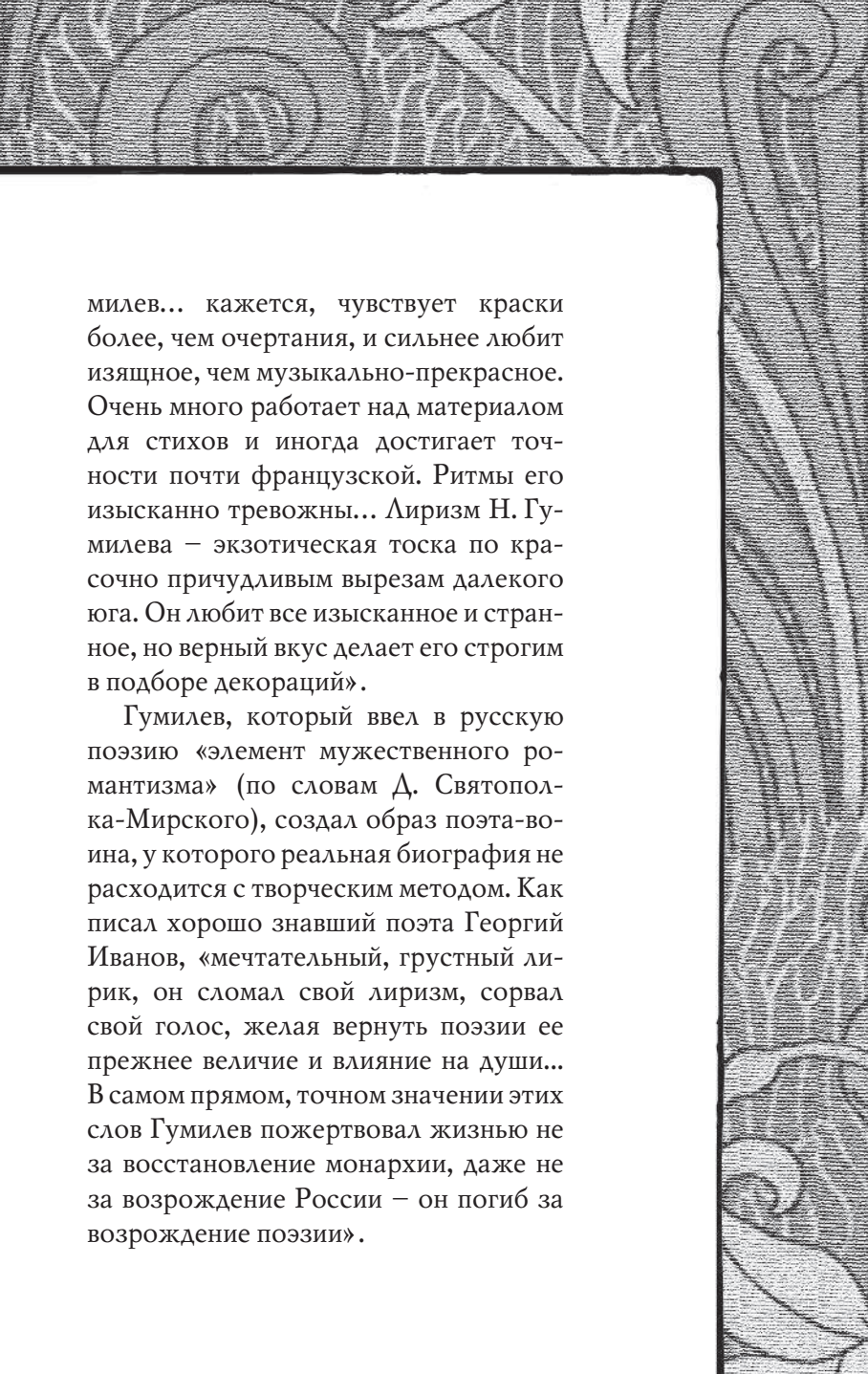
Путешественник, один из крупнейших в России исследователей Африки, значительно пополнивший коллекцию Кунсткамеры. В 1914 году записался добровольцем в армию, был награжден за храбрость двумя Георгиевскими крестами. Расстрелян 26 августа

1921 года по сфабрикованному обвинению – как участник «Таганцевского заговора».

Критики, как и многие коллеги по литературному цеху, к творчеству Гумилева относились неоднозначно. Его знали и ценили прежде всего как идеолога нового литературного течения – акмеизма, противостоявшего символизму, и создателя и вдохновителя нескольких школ поэтического мастерства («Цех поэтов», «Студия живого слова»).

Под знаменами акмеизма начинали свой путь в литературе Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Сергей Городецкий. Учениками Гумилева считали себя многие талантливые поэты начала века: Георгий Иванов, Георгий Адамович, Николай Тихонов, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп. Поэтическая манера Гумилева оказала влияние и на русскую эмигрантскую поэзию, а также на советскую, хотя имя его десятилетиями было под запретом.

Одним из первых своеобразие творческого облика Гумилева отметил поэт Иннокентий Анненский: «Николай Гу-

милев... кажется, чувствует краски более, чем очертания, и сильнее любит изящное, чем музыкально-прекрасное. Очень много работает над материалом для стихов и иногда достигает точности почти французской. Ритмы его изысканно тревожны... Лиризм Н. Гумилева — экзотическая тоска по красочно причудливым вырезам далекого юга. Он любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций».

Гумилев, который ввел в русскую поэзию «элемент мужественного романтизма» (по словам Д. Святотолка-Мирского), создал образ поэта-воина, у которого реальная биография не расходится с творческим методом. Как писал хорошо знавший поэта Георгий Иванов, «мечтательный, грустный лирик, он сломал свой лиризм, сорвал свой голос, желая вернуть поэзии ее прежнее величие и влияние на души... В самом прямом, точном значении этих слов Гумилев пожертвовал жизнью не за восстановление монархии, даже не за возрождение России — он погиб за возрождение поэзии».

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых
трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И точно маятник злоеший,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

1907

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она — как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры все суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность буйной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

1908